

Иньяцио Силоне «Фонтамара» (отрывок)

Так вот, Фонтамара во многом походит на все южные деревушки: она затеряна в глуши, где горы сходят в равнину, вдали от больших дорог, а потому даже для южного селенья на редкость отсталая, запущенная и одичалая. Но есть у Фонтамары и свои яркие черты. Точно так же, как похожи по всему миру бедняки, будь то батраки, мужики, пеоны, феллахины или колонны — одинаково привыкли они трудиться на земле и сносить голод, это особая нация, особая каста, особая вера, но при этом не встречалось ещё на свете двух бедняков, одинаковых во всём.

Если подниматься к Фонтамаре со стороны долины Фучино, открывается вид на безжизненную серую скалу, деревня ютится на склоне, как на каменной лестнице. На равнину выходят двери и окна большей части домов: сотня лачуг, почти все одноэтажные, разномастные, покосившиеся, почерневшие от времени и пережитых пожаров, продуваемые всеми ветрами и омываемые дождями, крытые чем придется — то черепицей, а то и вовсе хламом.

У большинства из них всего один проём, служащий и окном, и дверью, и печной трубой. Внутри — земляной пол и голые каменные стены. Там бок о бок живут, спят, едят и производят потомство, часто на одной и той же циновке, мужчины, женщины, их дети, козы, куры, свиньи и ослы.

Отличается от прочих лишь дюжина домов, где живут мелкие землевладельцы, да развалины бывшего замка, что давно стоят бесхозными. Над всем высится церковь с колокольной и небольшой выступающей над скалой площадкой. Она почти на самой вершине, взобраться туда можно по круто уходящей вверх улочке, единственной в деревне, где проходит телега. Эта улица тянется через весь посёлок, а по обе стороны от неё сбегают коротенькие переулки с выщербленными ступеньками да жмутся друг к другу дома, перекрывая крышами небо.

Если смотреть на Фонтамару издалека, от поместья Фучино, то деревня напоминает отару — тёмные овечки сбились в кучу вокруг пастуха-колокольни.

Словом, Фонтамара похожа на все южные селенья, но для местных жителей это целый мир. Она вмещает всю историю человечества: здесь рождаются, умирают, любят, ненавидят, враждуют, борются за счастье, отчаиваются.

И больше мне нечего было бы поведать вам о Фонтамаре, если б не те странные события, о которых я и собираюсь рассказать. Больше здесь никогда ничего не случилось, а я провёл в этих краях первые двадцать лет своей жизни.

Двадцать лет под одним и тем же небом, в окружении тех же гор, которые берут эти земли в кольцо, не оставляя выхода. Двадцать лет на всё той же земле, под теми же дождями, теми же ветрами, тем же снегом, с теми же праздниками, той же едой, теми же невзгодами, теми же заботами, той же нуждой: её передали нам отцы, а им — их отцы, и нужду эту не одолеть честным трудом. Самая лютая несправедливость в Фонтамаре уходит корнями в такую древность, что её сносят как должное, как сносят дождь, ветер или снег. Люди, и скот, и сама земля здесь обречены жить в замкнутом круге, отделённом от мира горной грядой и скованном тисками времени. Жизненный цикл в этих краях неумолим, как каторга, и продиктован самой природой.

Сперва идёт посевная страда, потом окуривание виноградников, потом жатва, потом сбор винограда. А потом? А потом всё сначала. Посев, прополка, обрезка, окуривание, жатва, сбор винограда. Одна и та же шарманка, один и тот же мотив от века. Так было всегда. Шли годы, десятилетия, молодёжь старела, старики умирали, но жители всё так же сеяли, пололи, удобряли, жали и собирали. А что потом? Опять сизнова. Из года в год, от сезона к сезону, из поколения в поколение. В Фонтамаре никто и помыслить не мог, что навсегда заведённый уклад можно нарушить.

У социальной лестницы в Фонтамаре лишь две ступени: у самой земли сидят голодранцы, а чуть повыше ютятся мелкие землевладельцы. Ремесленники делят те же ступени: чуть повыше — менее бедные, те, у кого есть своя лавчонка и какой-никакой инструмент; остальным остаётся болтаться у них под ногами. Из поколения в поколение бедняки, батраки, работяги и кустари гнут спины, отказывают себе во всём и из кожи вон лезут, чтобы

преодолеть нижнюю ступеньку социальной лестницы, но мало кто в этом преуспевает. Редкая удача в наших краях — брак с дочерью мелких землевладельцев. Но поскольку земля в Фонтамаре такая, что за посеянный центнер зерна воздаёт порой тем же центнером, неудивительно, что даже с таким трудом завоёванной ниши легко скатиться обратно в голодранцы.

(Я понимаю, что слово «голодранец» в современном языке звучит презрительно и служит оскорблением, что в деревне, что в городе, но я специально употребляю его в этой книге, надеясь, что когда у меня на родине нужду перестанут вменять в вину, это слово будут произносить без пренебрежения, а то и с уважением).

Удел счастливых — стать владельцем мула или осла. Дотянув до осени и с трудом расплатившись с долгами за прошлый год, голодранцы ищут, где бы раздобыть хоть немного картошки, бобов, лука и кукурузной муки, чтобы пережить зиму. Так и влачат они существование, подобно тяжкой цепи из мелких долгов, чтобы прокормиться, и изнурительных трудов, чтобы расплатиться. Когда урожай удаётся на славу и у жителей появляются неожиданные деньги, часть неизменно уходит на тяжбы. Надо сказать, что нет в Фонтамаре семей, не связанных родственными узами, в горных деревушках за долгий срок все так или иначе успевают породниться, и возьми любые две семьи, даже самые бедные, — хоть что-то они да не поделили. Когда делить совсем нечего, люди делят невзгоды; а потому Фонтамару вечно раздрают распри. Тяжбы — вещь такая, в голодный год о них не вспоминают, но стоит завестись деньгам, которые можно отнести в суд, тут же всплывают старые счета. Мотивы не меняются испокон веку, их передают от отца к сыну вечным наследством, вечным убытком, непримиримыми глухими обидами. Соседи могут бесконечно делить колючий куст у забора, куст сгорит, но обида не угаснет, только пуще разгорится. Конца и края этому нет. Если в иные времена и получалось откладывать по двадцать-тридцать сольдо в месяц, летом порой до ста сольдо в месяц, к осени набегала пара десятков лир, то расходились эти деньги мгновенно: ростовщику, адвокату, священнику, аптекарю... И

следующей весной всё начиналось по новой. Снова двадцать сольдо, тридцать
сольдо, сто сольдо в месяц... И вновь на круги своя.